

ВСТРЕЧИ

Жизнь Алексея Максимовича в старом городе прошла под неослабным надзором местного губернского жандармского начальства. В книге филерских записей имеется самое подробное и точное жизнеописание писателя. Наблюдение велось и в Самаре, где работал перед Нижнем А. М., но с 1896 года, приезда его в Нижний, оно началось регулярно и закончилось 25 августа 1902 г., когда, по возвращению писателя из Арзамаса, надзор с него был снят «за окончанием дела».

В квартире Алексея Максимовича на Полевой в доме Курепина народ не переводился. Жизнь А. М. Горького в этом доме совпала с временем «известности» писателя, на которую публика реагировала обильным посещением.

Кого только не было в этой квартире? Писатели из столиц, артисты, адвокаты, начинающие писатели, рабочие, крестьяне, интересные лица вроде старика Зарубина, который за неправильно взятую с него копейку сбора довел дело до сената, земские и городские деятели, врачи, фотографы и... птицеловы. Старые приятели, друзья детства—птицеловы и тряпичники. Эти «друзья» эксплуатировали товарища, ставшего уже знаменитым, но эксплуатировали по-своему. Однажды птицеловы явились к Горькому и сообщили, что они бедствуют из-за дров. «Дров нет ни полена, хоть умирай от холода, а купить не на что».

Алексей Максимович тут же предложил взять дров у него.

Птицеловы забрали из сарая все

дрова, к великому ужасу почтенной домоправительницы писателя—старушки Марии Александровны.

— Все забрали, — сообщила она грустную новость, — до полена. Жди когда привезут, а до тех пор в холоде сиди.

Доброта и отзывчивость Алексея Максимовича—отличительные черты его характера. Таким он оставался до конца своей жизни. Живя в Нижнем, он снабжал книгами, ценными предметами начинающих авторов, школы. Часто сам стесненный в средствах, он не находил возможным отказать в материальной помощи нуждающемуся человеку.

И в то же время, вместе с изумительной добротой и сердечностью в этом великом человеке уживалось особое чувство строгой требовательности и к себе, и к близким. Чем ближе к Алексею Максимовичу стоял человек, тем строже и суровее реагировал он на действия этого человека, не соответствующие жизненным правилам и порядку.

* * *

Рабочая комната в редакции «Нижегородского листка». Над длинным редакционным столом, заваленным газетами и журналами, большая висючая лампа—молния.

Около 12 часов дня. Редакционная публика вся в сборе. С помощью ножниц и клея начали уже «творить газетную опару». Редакционная молодежь оживленно обменивается впечатлениями перед уходом на дневную работу: в ду-

му, в земство, на биржу. Усиленно курят, зубоскалят. В конторе редакции—соседней комнате—через притворенную дверь слышится своеобразное всем хорошо известное басистое гуденье с неизбежным «оканьем».

— Алексей Максимович.

В комнате становится тише. В дверях появляется фигура Горького. Алексей Максимович часто заходил с Петровым (Скитальцем).

— «Тень Горького»,—острила молодежь по адресу Степана.

Любимый костюм Алексея Максимовича в то время был: широкое, длинное ватное пальто с хлястиком. Летом пальто заменялось крылаткой. Костюм «тени» был такой же. Под крылаткой и тот и другой носили широкие черные блузы с кожаным поясом.

В руках и на руках у Алексея Максимовича всегда поклажа: ворох книг, письма, направленные на его имя в редакцию. Часто предметы выработки заводских кустарей: художественно вырезанное «донце» от Горюдда, деревянный, расписанный киноварью «холомским» способом ковш, птица, **Блюдо**.

— Посмотрите, какая это великоленная штука — «окал» Алексей Максимович, приветствуя публику и представляя для обозрения ту или другую добытую им местную художественную редкость.

Самый способ приветствования у него был какой-то особенный — душевный. Здраваться с ним было легко, несмотря на то, что здороваясь, он как бы произывал каждого взглядом, но грустный взгляд серых глаз не обещал плохого. В общении с ним каждый чувствовал какую-то особенную легкость и спокойствие.

— «Скучная и неприятная общечеловеческая повинность». — Об этой «повинности» в шутливом тоне Алексей Максимович за три года до своей смерти писал автору настоящих воспоминаний из Сорренто. Приводим выдержки из этого письма, иллюстрирующие, и весьма ярко, сердечность покойного к людям, заботы о детях, и о той внимательной и кропотливой работе, которую приходилось вести писателю.

— «Милый Федор Павлович!» — писал он 19 февраля 1933 г., — не получая от Вас давно уже никаких вестей, я уже думал, что Вы призваны к исполнению скучной и неприятной общечеловеческой повинности. Разумеется, искренно рад, что это еще «за горами», и что Вы все такой же неистребимый и неутомимый делатель жизни, каким я Вас знаю с 96 года—37 лет. Очень высоко ценю и очень крепко люблю я людей, которые служат лучшему своей эпохи, не покладая рук, бескорыстно и скромно...

Рукопись присылайте, прочитаю быстро. Присылайте и доклад о производстве научно-художественных изделий края, это очень важно и очень своевременно. Очень прошу Вас сделать так: копию доклада пошлите Самуилу Яковлевичу Маршаку. Ленинград, Ленотгиз, отдел детской литературы (Проспект 25 Октября, д. 28), Маршак отличный человек и детолюб — поставлен во главе детской литературы и мы с ним мечтаем о создании хорошей детской игрушки. Было бы неплохо, если бы вы приложили и несколько фотографий наиболее удачных игрушек, а на обороте снимков указали как игрушки раскрашены. В письме Маршаку сообщите, что действуете по моему со-

вету,—впрочем, я сам напишу ему, что он получит посылку от Вас.

Далее: было бы отлично, если бы Вы написали очерк о кустарной работе игрушечников края, а если можно, так и вообще «щепном» промысле края. Это весьма годилось бы для журнала «Наши достижения». Если «достижения» ничтожны и даже если их совсем нет,—это не должно смущать Вас, пишите о том, что есть и что должно быть. Но я думаю и «достижения» окажутся.

Но вот—пока все. Сегодня первый раз написал на конверте вместо Н.-Новгород—Горький. Это очень неловко и неприятно. Будьте здоровы, старый товарищ. Всего доброго. А. Пешков...»

— «Сегодня с ночи такой дьявольский ветрище дует, что все окрестные

рощи олив, лимонов, апельсинов шипят, свистят, кипят, в доме ноют стекла окон, скрипят двери—тошно. А уже миндаль цветет. Капризничает природа, как беременная. По всей Европе—холода. Безработные мрут десятками ежедневно. Южане ухитряются замерзнуть при четырех ниже нуля. Истощены длительным недоеданием. А. П.».

Это письмо, приведенное с достаточной полнотой, рисует ряд положительных сторон жизни покойного писателя. Только такие люди, как Алексей Максимович, могли в одном письме коснуться ряда крупных вопросов и дать по существу их краткие, но исчерпывающие выводы и заключения.

Так работать и так любить труд мог только Горький и к такой работе он приучал близких ему и молодежь.